

ЛИКА РУСАЛ

ГОРНИЧНАЯ
ДЛЯ ДВУХ ЛИ

ТОМ 2

18+

Горничная для двух Ли

Ли́ка Русал

Горничная для двух Ли. Том 2

«Автор»

2026

Русал Л.

Горничная для двух Ли. Том 2 / Л. Русал — «Автор»,
2026 — (Горничная для двух Ли)

«Я уже выбрала» — шепчет Соа в темноту, но даже сейчас не уверена, правда ли это. Метки горят на запястьях, передавая ей боль, страсть и страх двух мужчин одновременно. Джунхёк готов отдать за неё всё. Доён готов сжечь мир, лишь бы она осталась с ним. А древний демон Мокель тихо смеётся: «Выбирай. И смотри, как ломается тот, кого ты любишь». В последнем томе Соа предстоит пройти через самую жестокую войну — войну внутри себя.

Между холодной, глубокой любовью и обжигающей страстью. Между спасением и разрушением. Между тем, чтобы остаться хорошей и наконец стать своей. Потому что в этом особняке никто не выходит целым. Финал дилогии. Содержит сцены 18+

Содержание

Эпилог	5
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ли́ка Ру́сал

Горничная для двух Ли. Том 2

Эпилог

Раньше я никогда всерьёз не задумывалась о том, как именно умру.

Хотя за последние месяцы поводов было более чем достаточно. Я представляла себе всё что угодно: как меня разорвёт древний демон в западном крыле, как я просто исчезну в одном из меняющихся коридоров особняка, или как меня сожрёт собственная слабость между двумя мужчинами, которых нельзя любить одновременно. Но даже в самых тёмных фантазиях я не могла представить, что всё закончится вот так.

Не смертью.

А чем-то хуже.

Я сидела на краю своей кровати в полутёмной комнате, когда это произошло. Ритуал уже закончился. Полнолуние прошло. Кровь была пролита, слова сказаны. Мы думали, что победили.

А потом метки вспыхнули.

Сначала — лёгкое покалывание на запястьях. Потом — будто кто-то провёл раскалённым лезвием прямо под кожей. Я задохнулась, прижимая ладони к груди, и в тот же миг почувствовала их обоих. Сразу. Так сильно, словно они стояли внутри меня.

Холодную, тяжёлую силу Джунхёка — спокойную, как зимняя ночь, но такую глубокую, что в ней можно было утонуть. И горячее, рваное пламя Доёна — яркое, почти болезненное, готовое вспыхнуть от одного моего взгляда.

Теперь они были во мне. Всегда.

Каждый раз, когда Джунхёк думал обо мне в своём кабинете, я ощущала тихую, сдержанную боль в его груди. Каждый раз, когда Доён сжимал кулаки у окна, глядя в сад, я чувствовала его ревность — острую, как нож.

Мокель не ушёл.

Он просто переселился. Не в тени коридоров и не в фигуру в плаще. Он поселился в этих тонких голубоватых линиях на наших запястьях. В крови. В дыхании. В каждом желании, которое теперь принадлежало не только мне.

Я смотрела на свою метку в тусклом свете ночника. Узоры слегка шевелились, будто живые. Иногда они пульсировали в такт чужому сердцу — то медленно и размеренно, то быстро и отчаянно.

«Ты уже выбрала», — шептал мне Мокель в те редкие минуты, когда я оставалась одна. Голос был мягкий, почти ласковый. «Просто ещё не призналась себе. И когда признаешься... кто-то из них умрёт. Не от моей руки. От твоей.»

Я закрыла глаза.

Правда была в том, что я уже знала ответ. Знала с того момента, как Доён поцеловал меня в библиотеке. Знала, когда Джунхёк смотрел на меня так, будто я была единственным светом в его холодном, расчётливом мире.

Но знать — это одно.

Сказать вслух — совсем другое.

Если мне суждено потерять одного из них — пусть.

Если придётся причинить боль, чтобы спасти того, кого я выбрала — я сделаю это.

Если цена будет моей собственной душой — я заплачу и её.

Но не сейчас.

Я провела пальцем по светящейся метке и тихо, почти беззвучно прошептала в пустоту комнаты:

— Простите меня...

Метка разделилась надвое и вспыхнула ярче — одна сторона холодным, сдержанным светом, вторая — обжигающим жаром.

Где-то в глубине особняка Мокель тихо засмеялся.

Он знал, что настоящая игра только начинается.

Глава 1

Я открыла глаза и тут же зажмурилась — солнечный свет резал зрачки, пробиваясь сквозь тяжёлые шторы. В комнате пахло лавандой и чем-то ещё, едва уловимым, но знакомым... благовониями?

Запястье пульсировало тупой болью. Я подняла руку и всмотрелась в метку. Витиеватый узор, вчера ещё светившийся голубым, теперь казался обычной татуировкой — тонкой, изящной, но совершенно земной. Лишь под определённым углом можно было заметить слабое мерцание, будто внутри кожи тлел уголёк.

Память нахлынула волной: подвал, трещина в полу, кровь на камнях, полнолуние, Мокёль... Его голос, холодный и бархатный, шепчущий: «Ты действительно аномалия».

— Проснулась?

Я вздрогнула и повернула голову. У окна, облокотившись на подоконник, стоял Джунхёк. В утреннем свете его лицо выглядело измождённым: тени под глазами, напряжённая линия губ. Но взгляд — внимательный, цепкий — оставался прежним.

— Сколько я... спала? — мой голос прозвучал хрипло, будто я не говорила несколько дней.

— Трое суток, — он подошёл ближе, но не сел на край кровати, а остановился в шаге от неё. — Мы начали беспокоиться.

Трое суток. Сердце пропустило удар. За это время могло произойти что угодно.

— Доён? — спросила я.

— В соседней комнате. Дежурит по очереди со мной, — Джунхёк слегка улыбнулся, и эта улыбка на мгновение смягчила черты его лица. — Он будет рад, что ты очнулась.

Я попыталась сесть, но тело отозвалось тупой болью во всех мышцах.

— Не торопись, — Джунхёк поднял руку, будто собираясь помочь, но остановился. — Тебе нужно восстановиться.

— Что произошло после? — я всё-таки села, опираясь на подушки. — После того, как я потеряла сознание?

Он поджал губы, подбирая слова. Чёткая линия скул заострилась.

— Ты упала, — наконец сказал он. — Мы с Доёном едва успели подхватить. Метка на твоём запястье вспыхнула так ярко, что на мгновение ослепила. А потом... всё стихло. Тени Мокёля рассеялись, как дым. Мы перенесли тебя сюда.

— А метка? — я коснулась узора на запястье. — Она появилась у всех одновременно?

— Да, — Джунхёк посмотрел на своё запястье, где под манжетой рубашки угадывался контур такого же символа. — И с тех пор она пульсирует в такт... чему-то. Мы пока не поняли, с чем именно.

Дверь тихо открылась, и в комнату вошёл Доён. Волосы растрёпаны, рубашка помята, но глаза загорелись, когда он увидел, что я сижу.

— Малышка! — он бросился к кровати и схватил меня за руку. — Ты очнулась! Мы так волновались...

От прикосновения метка на моём запястье чуть заметно потеплела. Доён это почувствовал — его пальцы замерли, потом сжали мою руку чуть крепче.

— Ты в порядке? — он вглядывался в моё лицо, ища следы недомогания. — Голова не кружится? Тошноты нет? Три дня спать, ну ты даёшь! Я так даже после литра сакэ не делаю!

— Всё хорошо, — я улыбнулась, стараясь успокоить его. — Просто... немного странно. Джунхёк кашлянул.

— Я оставлю вас, — сказал он. — Нужно отдать распоряжения. Отдыхайте, Соа. Если что-то понадобится — слуги рядом.

«До сих пор при сыне называет официально...» — с тоской подумалось мне.

Джунхёк вышел, закрыв за собой дверь почти бесшумно. Доён пододвинул стул ближе к кровати и сел, не отпуская моей руки.

— Расскажи, что ты помнишь, — попросил он. — С самого начала.

Я начала рассказывать — про ощущение, будто внутри меня что-то рвётся, про ослепительный свет, про крик мужчин... Доён слушал, не перебивая, только пальцы его время от времени чуть сжимались.

— И что это значит? — спросила я, закончив. — Эта связь? Ты чувствуешь что-то?

Доён задумался.

— Иногда... — он замялся. — Иногда я чувствую, как ты дышишь. Не буквально, конечно. Но будто знаю, когда ты делаешь вдох, когда задерживаешь дыхание. И ещё... — Доён покраснел. — Иногда твои эмоции. Краем сознания.

— У меня то же самое, — призналась я. — Только ещё и с Джунхёком. Как будто тонкая нить между нами.

Мы замолчали, обдумывая это.

— Значит, мы теперь связаны, — подытожил Доён. — Навсегда?

— Надеюсь, нет, — я нервно улыбнулась. — Хотя... не так уж это и плохо.

Доён тоже улыбнулся — широко, искренне, и мне даже стало легче.

Но в этот момент метка на запястье вспыхнула — не светом, а острой, колючей болью.

Охнув, я схватилась за руку.

— Что? — Доён встревожился. — Болит?

— Нет, — я покачала головой. — Скорее... странно. Как будто кто-то позвал.

И в тот же миг я услышала шёпот. Тихий, вкрадчивый, знакомый до дрожи:

«Ты думаешь, что победила, Юн Соа? Но игра только начинается...»

Я резко обернулась, ожидая увидеть Мокёля в углу комнаты. Но там никого не оказалось. Только солнечные лучи играли на паркете, да шторы слегка колыхались от ветерка.

— Ты слышал? — я посмотрела на Доёна.

— Что? — он нахмурился.

— Голос. Кто-то прошептал...

Доён помрачнел.

— Опять он?

Я кивнула.

— Это было... внутри головы. Как тогда, в подвале.

— Значит, демонский ублюдок не ушёл далеко, — произнёс он, глядя вдаль. — И метка — это не только наша связь. Это ещё и его путь к нам.

В дверь постучали. К нашему удивлению, вернулся Джунхёк с подносом в руках.

— Принёс вам бульон, — сказал он. — Врач настаивает, чтобы вы начали есть.

Он поставил поднос на столик и заметил выражение наших лиц.

— Что случилось? — его голос стал жёстче.

— Мокэль, — коротко ответил Доён. — Он снова связался с Соа.

Джунхёк замер.

— Как?

Я пересказала шёпот, который услышала. Джунхёк слушал молча, но его пальцы непроизвольно сжались в кулаки.

— Связь работает в обе стороны, — заключил он. — Пока метка на месте, он может до нас достучаться.

— И что теперь? — я почувствовала, как внутри поднимается тревога. — Мы должны её убрать?

— Возможно, — Джунхёк сел напротив нас. — Но сначала нужно понять, как она устроена. И что именно она делает.

— Может, она нас защищает? — предположил Доён. — Ведь Мокель отступил.

— Или он просто перегруппировывается, — возразил Джунхёк. — Мы не можем полагаться на догадки.

Я посмотрела на них обоих. Два человека, которые ещё недавно были почти врагами, теперь обсуждали, как меня защитить. И оба были связаны со мной одной и той же таинственной силой.

— Хорошо, — согласилась я. — Давайте разберёмся. Но сначала... — я кивнула на поднос. — Сначала я поем. Кажется, я проголодалась.

Доён рассмеялся, и напряжение немного спало.

— Вот это правильный настрой, — он подвинул ко мне бульон. — А потом мы решим, что делать дальше.

Я осторожно взяла ложку и зачерпнула бульон. Он оказался удивительно вкусным — куриный, с травами, слегка солоноватый. Я не осознавала, насколько проголодалась, пока не почувствовала этот аромат.

— Вкусно? — Доён улыбнулся, наблюдая за мной.

— Очень, — я сделала ещё глоток. — Спасибо.

Джунхёк молча наблюдал за нами. Его взгляд был сосредоточенным, будто он анализировал каждое наше движение, каждое слово.

— Что теперь? — я поставила чашку на поднос. — Вы говорили, что нужно понять, как работает метка. С чего начнём?

— С наблюдений, — Джунхёк сел в кресло напротив кровати. — Мы должны фиксировать всё необычное: когда метка пульсирует, какие ощущения вызывает, появляются ли видения или голоса. И главное — ищем закономерности.

— То есть будем вести дневник? — Доён приподнял бровь.

— В некотором роде, — кивнул Джунхёк. — Но не только. Нам нужно понять, влияет ли метка на наши способности. Например, можем ли мы чувствовать друг друга на расстоянии? Предвидеть действия?

— Вчера, — Доён задумчиво потёр подбородок, — когда я был внизу, в библиотеке, я вдруг почувствовал, что тебе приснился кошмар. Ты ещё спала, но я точно знал — что-то не так.

Я вспомнила: действительно, ночью мне снился странный сон.

— Да, — я кивнула. — Я проснулась как раз тогда. И мне показалось, что ты рядом.

— Интересно, — Джунхёк наклонился вперёд. — Значит, связь работает даже на расстоянии.

В дверь постучали. Вошла Миён, горничная, которую я хорошо знала — она всегда приносила мне чай по утрам. В руках у неё был большой поднос с завтраком: тосты, джем, свежие фрукты, чашка ароматного чая.

— Соа, ты проснулась! — её глаза заблестели от радости. — Как же мы все волновались! Господин Ким приказал приготовить всё самое лучшее.

Она ловко расставила блюда на столике возле кровати.

— Спасибо, Миён, — я улыбнулась ей. — Ты очень добра.

— О, что вы! — она покраснела. — Это моя работа. Но я так рада, что вы в порядке. Мы все молились за вас. Кто же знал, что в том подвале настолько скользкий пол и что вы снова решитесь туда спуститься!

Я приподняла брови и переглянулась с обоими Ли. Доён состроил ангельское выражение лица, а Джунхёк просто кивнул. Ясно. Вот, значит, как звучит официальная версия наших злоключений для слуг...

Доён встал, чтобы помочь горничной убрать поднос с бульоном. Пока они переговаривались вполголоса, я заметила, как метка на моём запястье снова слегка потеплела.

— Миён, — спросила я, пока она складывала салфетку, — а что происходило в доме, пока я спала? Были какие-то странности?

Горничная опустила глаза.

— Ну... — она замялась. — Кое-что было. В первую ночь, когда вы потеряли сознание, все зеркала в доме треснули одновременно. Просто взяли и лопнули — без причины. А ещё... — она понизила голос, — слуги говорят, что тени стали вести себя странно. Они как будто... шевелятся. Не так, как обычно.

Джунхёк и Доён одинаково помрачнели. Старший Ли задумчиво постучал пальцами по подлокотнику кресла.

— Спасибо, Миён. Можешь идти. Если вспомнишь что-то ещё — сообщи мне лично.

— Конечно, господин! — горничная поклонилась и вышла.

Как только дверь закрылась, Доён повернулся ко мне:

— Зеркала... — произнёс он. — Признаться, зеркало в спальне доставило немало хлопот. Благо, в кабинете подобного элемента декора я не размещал. Зеркала разбились не просто так...

— Возможно, — согласился Джунхёк. — В древних текстах демоны часто используют отражающие поверхности для перехода между мирами.

— Или Мокэль использовал их для наблюдения, — добавила я. — Он мог следить за нами через зеркала.

Метка на запястье снова пульсировала, на этот раз сильнее. Я инстинктивно сжала руку.

— Опять? — Доён заметил моё движение.

— Да, — я вздохнула. — И кажется... сейчас будет видение.

Перед глазами поплыли образы: тёмная комната, свечи, чей-то силуэт у окна. Голос — тот самый, бархатный и холодный:

«Ты думаешь, что победила, Юн Соа? Но игра только начинается. И на этот раз правила буду диктовать я».

Видение исчезло так же внезапно, как и появилось. Я моргнула, возвращаясь в реальность.

— Что ты видела? — Джунхёк подался вперёд.

— Тёмная комната, — я попыталась вспомнить детали. — Свечи. И голос... Он сказал то же самое, что и раньше: «Игра только начинается».

— Он дразнит нас, — Доён сжал кулаки. — Хочет показать, что всё под контролем.

— Или проверяет связь, — Джунхёк встал и подошёл к окну. — Тестирует, насколько далеко может дотянуться.

Я посмотрела на свои руки. Метка теперь светилась едва заметно — как будто тлеющий уголёк.

— Если он может проникать в мои мысли, — сказала я, — значит, мы уязвимы. Нужно что-то предпринять.

— Согласен, — Джунхёк повернулся к нам. — Сегодня же начнём изучать всё, что связано с метками и демоническими контрактами. Доён, ты возьмёшь на себя библиотеку — найди любые упоминания о подобных символах. Соа, вам пока лучше отдыхать, но если появятся новые видения или ощущения — сразу сообщайте.

— А вы? — спросила я.

— Я поговорю с теми партнёрами, что готовы... пересмотреть контракты. Возможно, кто-то из них расскажет что-то полезное. И проверю периметр особняка — после ритуала граница между нашим измерением и реальностью могла ослабнуть.

Доён кивнул.

— Значит, план есть. Но сначала, — он подмигнул мне, — ты должна поесть как следует. Нельзя бороться с демонами на голодный желудок.

Я слабо рассмеялась.

— Ты прав.

Пока я доедала завтрак, Доён рассказывал забавные истории из детства — как он в десять лет решил поймать призрака (а в действительности мышь) в подвале и застрял там на три часа, пока его не нашёл дворецкий. Джунхёк слушал с лёгкой улыбкой, иногда вставляя короткие комментарии.

Но я чувствовала: за этой лёгкой беседой скрывается тревога. Каждый из нас понимал — Мокель не отступит. И следующая его атака может быть куда опаснее.

Метка пульсировала в такт моему сердцебиению, напоминая: игра действительно только начинается.

После завтрака Доён предложил мне пройтись — «чтобы размять ноги и проверить, в порядке ли ты на самом деле». Джунхёк сначала возражал: «Ей нужен покой», — но я заверила, что чувствую себя хорошо, и он неохотно согласился, попросив слуг следить за нами.

Мы вышли в коридор. Солнечный свет струился сквозь высокие окна, рисуя на мраморном полу золотистые квадраты. Но что-то в этой картине казалось... неправильным. Я остановилась, вглядываясь в узор на полу.

— Что такое? — Доён заметил мою заминку.

— Тени, — я указала на тёмные полосы вдоль стен. — Они слишком резкие. И... не двигаются.

Доён проследил за моим взглядом. Выражение его лица утратило беззаботность.

— Ты права. Обычно они смещаются, когда солнце поднимается выше. А эти... застыли.

Метка на моём запястье слегка потеплела, подтверждая: здесь что-то не так.

Мы пошли дальше, мимо портретов предков Ли — строгие лица в тёмных рамах смотрели на нас с немимым укором. В конце коридора висело большое зеркало во весь рост, обрамлённое витиеватой резьбой.

— Оно не разбилось, — помня рассказ Миён, удивлённо протянула я.

— Не смотри в него, — резко осадил Доён, заметив, что я поворачиваюсь.

— Почему?

— Просто... не надо. После того, что случилось с остальными зеркалами...

Но было поздно. Я уже взглянула в отражающую поверхность.

В зеркале я увидела не себя.

Там стояла другая Соа — бледная, с запавшими глазами, в изодранном платье. Её губы шевелились, но звука не было. Она указывала куда-то вглубь коридора, за мою спину.

Я резко обернулась. За мной никого не было. Когда я снова посмотрела в зеркало, отражение вернулось к норме — я видела своё испуганное лицо.

— Что ты увидела? — Доён схватил меня за плечи.

— Себя... но не совсем. Другое «я». Оно показывало куда-то.

— Мокель, — прошептал Доён. — Он использует зеркала, чтобы следить за нами. И, возможно, влиять на реальность.

Метка пульсировала всё сильнее, а в голове зазвучал шёпот:

«Ты думала, что разорвала связь? Нет, девочка. Ты лишь укрепила её. Теперь я вижу тебя яснее, чем когда-либо...»

Я зажала уши руками, но голос проникал прямо в сознание.

— Соа! — Доён встряхнул меня. — Что с тобой?

— Он здесь, — выдохнула я. — В моей голове.

В этот момент из-за поворота появился успевший отстать Джунхёк. Увидев наше состояние, он мгновенно оценил ситуацию.

— Уходим отсюда, — приказал он. — Немедленно.

Он взял меня под руку, и мы поспешили прочь от проклятого зеркала. Доён шёл сзади, настороженно оглядываясь.

Мы укрылись в малой гостиной — светлой комнате с большими окнами и камином, в котором весело потрескивали дрова. Джунхёк закрыл дверь и прислонился к ней спиной.

— Расскажи подробно, что произошло, — попросил он.

Я описала видение в зеркале и шёпот в голове. Джунхёк слушал, не перебивая, его лицо становилось всё мрачнее.

— Значит, он не просто наблюдает, — заключил он. — Он пытается установить прямой контакт. И метка служит ему проводником.

— Но почему именно Соа? — спросил Доён. — Мы все связаны.

— Потому что она — ключ, — Джунхёк посмотрел на меня. — Ты разорвала его контроль над нами, пожертвовав чем-то. И теперь он хочет вернуть влияние через тебя.

— Жертва... — я вспомнила ритуал. — Я отдала кровь, а не любовь. Может, в этом дело?

— Любовь — самая сильная связь, — продолжил Джунхёк. — Ты отказалась от неё в пользу кровной жертвы. Это ослабило его власть над нами, но оставило лазейку. Он чувствует эту брешь и бьёт именно в неё.

— И что теперь? — я сжала руки. — Как его остановить?

— Нужно понять природу метки, — повторил Джунхёк. — И найти Камень Равновесия. Без него мы уязвимы.

— А если его нет? — Доён нахмурился. — Что, если прадед выдумал его, чтобы запугать потомков?

— Его существование подтверждают записи, — Джунхёк достал из кармана блокнот. — Вот, смотри: «Камень Равновесия — артефакт, созданный для сдерживания Мокёля». Мы искали всюду...

В дверь постучали. Вошёл пожилой мужчина в строгом костюме.

— Доктор Чон, — Джунхёк поприветствовал гостя.

— Господа, — слегка склонил голову доктор, а после повернулся ко мне: — Госпожа Соа, — он поклонился. — Я рад видеть вас в сознании. Позвольте осмотреть вас.

Я кивнула, и доктор приступил к осмотру: проверил пульс, зрачки, задал несколько вопросов о самочувствии. Всё это время Джунхёк и Доён стояли рядом, внимательно наблюдая.

— Как он тут оказался? — шепнула я Доёну, воспользовавшись тем, что доктор Чон наклонился над своим чемоданчиком.

— Один из подписавших контракт, — в тон мне тихо ответил Доён.

Посмотрев на доктора совсем другими глазами — оказывается, врачи тоже готовы продать душу? — я постаралась не выдать своего удивления.

— Пульс слегка учащён, но в пределах нормы, — констатировал доктор. — Никаких явных признаков недомогания. Однако я бы рекомендовал покой ещё на сутки.

— Спасибо, доктор, — Джунхёк поднялся первым, кивком головы указав на дверь. Жест повелительный. Как обычно. — Вы свободны.

Когда врач ушёл, Доён повернулся ко мне.

— Значит, план ясен. Но сначала, — он подмигнул мне, — ты должна отдохнуть. Пойдём, я провожу тебя в комнату.

Пока мы шли по коридорам, я чувствовала, как метка на запястье пульсирует в такт шагам. И где-то глубоко внутри, за гранью сознания, шептал голос:

«Ты не сможешь спрятаться, Юн Соа. Я найду тебя. И тогда ты пожалеешь, что бросила мне вызов...»

Я сжала руку в кулак, стараясь не показывать страха.

«Нет, — подумала я. — На этот раз я готова. И мы найдём Камень. А потом — разорвём эту связь навсегда».

Ночь опустилась на особняк быстро, будто кто-то накинул чёрное покрывало на мир. Я лежала в кровати, глядя в потолок, и пыталась успокоить дыхание. Метка на запястье пульсировала — не болезненно, но настойчиво, напоминая о себе.

За окном шелестели деревья, и этот звук казался слишком громким в ночной тишине. Я повернулась на бок, пытаясь устроиться поудобнее, но сон не шёл. В голове крутились мысли: о метке, о Мокёле, о Камне Равновесия...

И вдруг — вспышка.

Я оказалась в тёмной комнате, освещённой лишь пламенем свечи. Напротив стоял Мокель. Его глаза сверкали, как два красных угля, а губы кривились в усмешке.

— Наконец-то мы наедине, — его голос звучал прямо в моей голове. — Ты думала, что можешь бросить мне вызов, Юн Соа?

— Я не боюсь тебя, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Он рассмеялся — тихо, издевательски.

— О, ты боишься. И правильно делаешь. Ты разорвала мою власть над ними, — он махнул рукой куда-то в сторону, — но связала их с собой. Теперь ты — слабое звено. Сломаешь тебя — сломается вся цепь.

— Они не позволят, — я сжала кулаки. — Джунхёк и Доён защитят меня.

— Защитят? — Мокель сделал шаг ко мне. — А если я заставлю их сражаться друг с другом? Если покажу каждому то, что он больше всего боится? Ты думаешь, их верность выдержит испытание?

Его голос становился всё глубже, проникая в сознание, как яд.

— Ты всего лишь человек, — продолжал он. — Слабая, смертная. А я — древнее зло, рождённое в тени до начала времён. Ты не можешь победить меня.

Я почувствовала, как воля начинает слабеть. Перед глазами поплыли образы: Джунхёк, замахивающийся на Доёна; Доён, отталкивающий меня в сторону; кровь на мраморном полу...

«Нет!» — мысленно крикнула я. — «Я не позволю!»

Собрав всю волю в кулак, я представила стену света вокруг себя. Образ был чётким, почти реальным — сияющий барьер, отгоняющий тьму.

Мокель отшатнулся. Его лицо исказилось от ярости.

— Так-так, — прошипел он. — Неожиданно. Но это ничего не меняет. Я вернусь. И в следующий раз ты не сможешь сопротивляться.

Видение рассыпалось, как песок. Я резко села в кровати, тяжело дыша. Пот струился по спине, сердце колотилось как бешеное.

Метка на запястье горела, будто раскалённый металл.

В коридоре послышались шаги. Дверь приоткрылась, и в комнату вошёл Доён. В руках у него был подсвечник, пламя свечи дрожало, отбрасывая причудливые тени на стены.

— Соа? — он подошёл к кровати. — Я почувствовал... что-то не так. Ты кричала во сне.

— Он был здесь, — выдохнула я. — В моём сознании. Мокель.

Доён сел на край кровати и взял меня за руку. Его прикосновение было тёплым и надёжным.

— Что на этот раз?

Я пересказала всё: и угрозы, и видения, и попытку сломить мою волю. Доён слушал молча, но его пальцы слегка дрожали.

— Значит, он хочет разделить нас, — заключил он. — Напасть на самое слабое звено.

— На меня, — уточнила я.

— Нет, — Доён покачал головой. — Не на тебя. На нашу связь. Он знает, что мы сильнее вместе. И хочет это изменить.

Дверь снова открылась. На пороге стоял Джунхёк. В его глазах читалась тревога.

— Я тоже почувствовал, — сказал он, подходя ближе. — Пульсацию метки. Что произошло?

Доён кратко пересказал своё видение. Джунхёк нахмурился.

— Это плохо, — произнёс он. — Если он может проникать в сознание Соа, значит, связь работает в обе стороны. И чем чаще он это делает, тем слабее становится барьер.

— Что же делать? — я посмотрела на них обоих. — Мы не можем просто сидеть и ждать, пока он нападёт снова.

Джунхёк сел в кресло у окна.

— Нужно проверить теорию, — сказал он. — Доён, подойди сюда.

Доён встал рядом с ним. Джунхёк положил руку на плечо брата, потом посмотрел на меня.

— Соа, попробуй сосредоточиться на метке. Почувствуй связь между нами. Можешь ли ты определить, где мы находимся? Что чувствуем?

Я закрыла глаза и прислушалась к себе. Сначала было тихо, но потом я уловила... что-то. Лёгкое покалывание в кончиках пальцев, отдалённый гул — как биение сердца, но не моего.

— Вы в комнате, — медленно сказала я. — Рядом друг с другом. Джунхёк... волнуется. Доён... злится.

— Точно, — Джунхёк кивнул. — Теперь попробуем на расстоянии. Доён, иди в коридор. Оставайся там, но сосредоточься на метке.

Доён вышел за дверь. Я снова закрыла глаза. Связь ослабла, но не исчезла.

— Он там, — сказала я. — Чувствую его... как эхо. Слабее, но всё ещё есть.

— Расстояние ослабляет связь, но не разрывает её, — подытожил Джунхёк. — Значит, мы можем отслеживать друг друга. И, возможно, предупреждать об опасности.

В этот момент метка на моём запястье вспыхнула особенно ярко. Я вздрогнула.

— Опять? — Доён вернулся в комнату.

— Нет, — я прислушалась к ощущениям. — Это не Мокель. Это... что-то другое.

Я встала и подошла к окну. Луна висела в небе огромная, серебристая. Но что-то в её свете было необычным — он казался... искажённым.

— Смотрите, — я указала на окно.

Тени во дворе двигались. Не так, как обычно — колыхаясь от ветра, а целенаправленно. Они скользили по земле, словно живые существа, собираясь в одну тёмную массу у ворот особняка.

— Он будет влиять на наш разум, — прошептал Доён, подходя ко мне. — Но... тебе действительно нужен отдых.

Стоило мне отвернуться от окна, а после вновь посмотреть в сад, как странные движения прекратились. Просто видение. Разделённое на нас троих...

— Не думала, что придётся сражаться с собственным разумом и глазами, — устало потерев переносицу, я выдохнула.

— Мы тоже, Соа... мы тоже, — удивительно слаженно откликнулись оба Ли.

Глава 2

Прошёл день.

Мокель пока не насылал новых видений, а жжение метки на запястье уменьшилось — почти пропало. Впервые за долгое время я смогла перевести дух, словно выбралась из вязкого кошмара на берег, где воздух хоть и тяжёлый, но дышать можно.

Коридоры особняка Ли тянулись лабиринтом — тёмные, с резными панелями, где тени прятались в изгибах узоров. Я шла быстро, пальцы скользили по стене: мрамор охлаждал кожу, но не успокаивал. В голове крутились обрывки мыслей — о том, как меняется баланс сил, о шёпотах за спиной, о взглядах, которые задерживаются на мне чуть дольше, чем нужно.

Свернула за угол — и дыхание перехватило.

Перед нишей с фарфоровыми статуэтками стоял незнакомец. Высокий, с узкой мордой, напоминающей кошачью, — но явно не человек. Его лицо скрывала маска из чёрного лака, а длинный пушистый хвост лениво покачивался, задевая край вазы с сухими ветками. Я застыла, пытаюсь осознать, что вижу: уши, заострённые и покрытые мехом, едва заметное подрагивание усов, блеск янтарных глаз за прорезями маски.

Он не смотрел на меня — будто и не заметил, — но я почувствовала, как воздух вокруг сгустился, стал вязким, как смола. По спине пробежал холодок, а в груди сжалось что-то тревожное, будто зверь, почуявший опасность.

— Ищешь что-то? — голос незнакомца казался мурлыканьем.

Я выпрямилась, усилием воли подавив дрожь. Пальцы сжались в кулаки, ногти впились в ладони — боль помогла сосредоточиться.

— Просто иду на кухню, — ответила ровно. — Хочу пообедать. Разве это запрещено?

Незнакомец медленно повернул голову. Глаза за маской блеснули, и на мгновение мне показалось, что он видит меня насквозь, читает каждую мысль, каждое сомнение.

— О, нет. Конечно, нет, — он сделал шаг вперёд, и хвост замер, вытянувшись струной. — Но ты всё время идёшь куда-то. То в библиотеку, то в восточное крыло, то к подвалам... Любопытство — милая черта. Но иногда оно приводит к неприятностям.

— Я просто изучаю дом, — я чуть наклонила голову, изучая его. — Он большой. Легко заблудиться.

Незнакомец рассмеялся — коротко, сухо, и от этого звука по коже побежали мурашки. Он наклонился чуть ближе, так, что я уловила запах сандала и чего-то дикого, звериного.

— Изучаешь, значит, — протянул он. — Интересно. Большинство людей здесь ходят только там, где им велено. А ты... — его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на глазах, потом опустился к запястью, где под кожей ещё угадывался след метки. — Ты другая. Не боишься. Или просто ещё не поняла, где оказалась?

— Поняла достаточно, — я не отступила. — Это дом семьи Ли. Я служу здесь. И пока мне не мешают обедать, всё в порядке.

— Служишь, — повторил он, словно пробуя слово на вкус. — Да, конечно. Служишь. Но знаешь, что самое странное? — его голос стал тише, почти интимным. — Ты не дрожишь. Не отводишь взгляд. Не умоляешь о пощаде. Это... интригует.

— Меня зовут Соа, — я решила нарушить молчание, надеясь, что имя сделает его чуть более человеческим. — А вас?

Он замер на мгновение, будто не ожидал вопроса. Потом его губы дрогнули в улыбке — слишком широкой, нечеловеческой.

— Юнхи, — произнёс он наконец. — Можно просто Юнхи. Приятно познакомиться, Соа.

— Взаимно, — ответила я настороженно.

— Не лги, — он усмехнулся. — Ничего приятного в этом нет. Но мне нравится твоя смелость. Или глупость. Ещё не решил.

— Может, и то и другое, — я пожала плечами. — Что вам нужно?

Юнхи медленно поднял руку, провёл когтем вдоль моего рукава — не касаясь кожи, но так близко, что волосы на руке встали дыбом.

— Ничего особенного, — протянул он. — Просто любопытно. Ты не похожа на остальных. В тебе есть... искра. Не знаю, как объяснить. Словно ты не боишься теней. А в этом доме они имеют привычку оживать.

— Тени — это всего лишь отсутствие света, — сказала я. — Они не могут навредить, если не дать им власти.

Юнхи рассмеялся — на этот раз искренне, с оттенком восхищения.

— О, как красиво сказано. Ты поэтесса? Или просто умеешь красиво говорить, когда страшно?

— Ни то ни другое, — я постаралась сохранить ровный тон. — Просто не вижу смысла бояться того, чего не понимаю. Лучше разобраться.

— Разбираться опасно, — Юнхи наклонился ещё ближе, так, что его дыхание коснулось моего уха. — Но раз уж ты такая любопытная... Давай сыграем, маленькая человечка? Я дам тебе подсказку — одну-единственную. А ты попробуешь понять, друг она или ловушка. Что скажешь? Например... — он сделал паузу, наслаждаясь моей растерянностью, — не ходи сегодня в западное крыло. Просто совет. Бесплатный.

В его глазах плясали искры азарта — он явно получал удовольствие от этой игры, от моей настороженности, от того, как я пыталась сохранить самообладание. Он словно смаковал каждое мгновение, предвкушая, как будет следить за моими действиями, ждать ошибки.

— Почему я должна вам верить? — спросила я. — Вы только что появились, назвали своё имя — и вдруг даёте советы? В чём ваш интерес?

— Интерес? — Юнхи выпрямился, его хвост дёрнулся в сторону. — Скажем так: мне скучно. А ты — как свежий ветер в затхлом помещении. Хочется посмотреть, как далеко ты сможешь зайти, прежде чем сломаешься. Или, может, не сломаешься? Это было бы ещё интереснее.

— Значит, я для вас — игрушка?

— О, не обижайся, — он подмигнул. — Все мы здесь чьи-то игрушки. Но ты хотя бы пытаешься играть по своим правилам. Это вызывает уважение.

Но прежде чем я успела ответить, в конце коридора раздался стук трости.

— Прошу прощения, — голос господина Кима прозвучал спокойно, но твёрдо. — Госпожа Соа, вас ожидают.

Дверной дворецкий появился из тени, высокий и прямой, как лезвие. Его лицо оставалось бесстрастным, но взгляд, брошенный на Юнхи, был холоден.

Кумихо опустил руку. Когти исчезли так же быстро, как появились. Он выпрямился, и на его лице снова появилась маска любезности — но глаза всё ещё горели тем же опасным огнём.

— Ах, господин Ким, — протянул Юнхи. — Как вовремя. Я как раз давал юной Соа несколько... советов.

— Вижу, — Ким подошёл ближе, встал рядом со мной. — Но, боюсь, у неё нет времени на наставления. Господин Джунхёк желает её видеть. Немедленно.

Юнхи прищурился. Хвост нервно дёрнулся. Но дворецкий смотрел так, будто и вовсе не замечает странного облика гостя.

— Разумеется, — кумихо отступил, склонив голову в насмешливом поклоне. — Передай господину Джунхёку мои наилучшие пожелания. И... — он посмотрел на меня, и в его взгляде мелькнуло что-то вроде предвкушения, — пусть будет осторожна. В этом доме слишком много острых углов.

— Обязательно передам, — Ким кивнул, но взгляда не отвёл. — Идущие по краю часто падают.

Юнхи рассмеялся — на этот раз без тени веселья — и развернулся. Его шаги затихли в глубине коридора, а хвост мазнул по полу, словно след от змеи.

Только когда звук полностью исчез, я осознала, что всё это время почти не дышала.

Ким повернулся ко мне:

— Идёмте, — сказал он тише. — Пока кто-нибудь ещё не решил преподать вам урок.

Я выдохнула, чувствуя, как напряжение постепенно отпускает мышцы, а дыхание выравнивается. Ладони всё ещё были влажными, но страх отступал, сменяясь облегчением — и странным, тревожным осознанием: Юнхи не просто угрожал. Он заинтересовался. И это пугало куда больше открытой угрозы.

— Спасибо, — произнесла я почти шёпотом.

— Не за что, — Ким двинулся вперёд, жестом приглашая меня следовать. — В этом доме благодарность — роскошь, которую мы не можем себе позволить. Сейчас главное — успеть до того, как кто-то решит, что вы знаете слишком много.

Господин Ким проводил меня до массивной двери кабинета Джунхёка — тёмного дерева с серебряными узорами, напоминающими переплетённые ветви. Он коротко кивнул, слегка склонив голову:

— Здесь я оставлю вас, Юн Соа. Желаю удачи.

— Спасибо ещё раз, — тихо ответила я. — Без вас...

— Не стоит, — он перебил меня, едва заметно улыбнувшись уголком губ. — Просто будьте осторожны.

Он развернулся и бесшумно исчез в тени коридора, оставив меня одну перед дверью. Я глубоко вздохнула, поправила рукава платья и постучала.

— Войдите, — раздался изнутри низкий, ровный голос.

Я толкнула дверь и вошла. Кабинет Джунхёка был таким, каким я его помнила: строгий, почти аскетичный. Тёмные книжные полки до потолка, большой письменный стол, на котором царил идеальный порядок, и тяжёлые шторы, пропускающие лишь узкие полосы света. Сам Джунхёк стоял у окна, спиной ко мне. Его силуэт чётко вырисовывался на фоне серого неба.

— Господин Джунхёк, — я склонила голову. — Вы хотели меня видеть?

Он обернулся. Высокий, с прямой спиной, в безупречном чёрном костюме. Лицо, как всегда, непроницаемо, но в глазах что-то мелькнуло — то ли облегчение, то ли тревога.

— Да, Соа. Проходи. Садись, — он указал на кресло напротив стола.

Я села, сложив руки на коленях. Джунхёк медленно обошёл стол и опустился в своё кресло. Несколько мгновений он просто смотрел на меня, словно убеждаясь, что я действительно здесь, целая и невредимая.

— Ты выглядишь бледной, — наконец произнёс он, внимательно изучая моё лицо. — Как ты себя чувствуешь?

— Уже лучше, — я слегка улыбнулась. — Спасибо, что беспокоитесь.

— Беспокоиться — моя обязанность, — отрезал он, но взгляд смягчился. — Расскажи мне, что произошло по дороге сюда. Я заметил, что ты задержалась.

Я замялась, подбирая слова.

— Я... встретила одного из... ваших партнёров. Кумихо. Его зовут Юнхи. Он остановил меня в коридоре и... говорил странные вещи.

Джунхёк резко выпрямился. Его пальцы сжались на подлокотнике кресла.

— Юнхи, значит, — произнёс он сквозь зубы. — Этот хитрый лис. И что он хотел?

— Ничего конкретного. Просто... интересовался мной. Сказал, что я не похожа на других слуг. Что во мне есть «искра».

Джунхёк встал и начал ходить по кабинету. Его шаги звучали глухо на толстом ковре.

— Партнёры не должны проявлять интерес к слугам, — сказал он жёстко. — Особенно к тебе. Ты не просто служанка, Соа, и они не должны об этом забывать.

— Но я и правда просто служу здесь, — возразила я. — Почему это так важно?

Он остановился напротив меня и посмотрел прямо в глаза. В его взгляде было что-то новое — не просто забота, а что-то более глубокое, почти уязвимое.

— Потому что я не хочу, чтобы тебя трогали, — произнёс он тихо. — Не хочу, чтобы на тебя смотрели, как на игрушку. Не хочу, чтобы кто-то вроде Юнхи решал, что с тобой делать.

Я молчала, не зная, что ответить. Джунхёк провёл рукой по волосам, будто пытаюсь собраться с мыслями.

— Понимаешь, Соа, — он снова сел, сложил руки на столе. — Юнхи — лишь один из многих. У семьи Ли давние связи с... существами, которые люди называют демонами. Я вынужден с ними сотрудничать, но это не значит, что подобное приносит мне удовольствие...

— Расскажите подробнее, — попросила я, чувствуя, как внутри нарастает тревога. — Кто ещё?

Джунхёк вздохнул.

— Есть, например, токкэби — духи-проказники. Они любят заключать сделки, обещая богатство или власть, а потом требуют непомерную плату. Один такой живёт в западном крыле — притворяется безобидным стариком, но стоит ему улыбнуться, как у тебя начинает болеть голова.

Я невольно вздрогнула. Раньше я считала, что лишь Мокэль облюбовал то самое, запретное для слуг крыло...

— А ещё? — прошептала я.

— Имуги — драконоподобные существа. Один из них контролирует поставки в порту. Он выглядит как обычный бизнесмен, но если присмотреться, заметишь чешую на запястьях и глаза, которые светятся в темноте. Он не злой — просто чужд человечности. Для него люди — фигуры на доске.

— Это ужасно, — я сжала подлокотники кресла. — И вы с ними работаете?

— Вынужден, — Джунхёк посмотрел мне в глаза. — Я не зло, Соа. Но иногда приходится идти на сделки со злом, чтобы предотвратить большее зло. Мой дед начал это, я лишь поддерживаю хрупкий баланс. Если я разорву контракты — они найдут другого. Более жестокого, менее разборчивого. И тогда пострадают люди, которые зависят от семьи Ли: рабочие, слуги, жители реального Сеула... Но даже если бы мне было наплевать на последствия — ничего бы не изменилось. Как ты уже поняла, Мокэль не желает прерывать главную сделку. А по её условиям все Ли становятся партнёрами демонов... своеобразными проводниками, посредниками.

Я задумалась. В его словах была железная логика, но сердце сжималось от тревоги.

— А что насчёт квищин? — вспомнила я древнюю легенду. — Тех, что питаются страхом? Говорят, они могут принимать облик кого угодно...

Джунхёк кивнул.

— Один такой есть среди наших «партнёров». Он предпочитает оставаться в тени, но его влияние ощущается повсюду. Кумихо, токкэби, имуги... Каждый из них играет свою роль. И каждый, встретив тебя, может решить, что ты — интересный трофей.

— Поэтому вы меня оберегаете? — тихо спросила я.

— Да. — Он сделал шаг вперёд и опустился на корточки рядом с моим креслом, так что теперь мы оказались на одном уровне. — Ты думаешь, я просто так оберегаю тебя? Да, я холоден, да, я строг, но это не значит, что мне всё равно.

Его рука осторожно коснулась моей ладони.

— Когда ты не приходила в себя, я думал... — он запнулся. — Я думал, что потерял тебя. И понял, как много ты для меня значишь.

Я почувствовала, как к глазам подступают слёзы. Не от страха или печали — от неожиданного тепла, которое разливалось в груди. Воспоминания о поцелуях, о моментах близости, когда между нами не было барьеров, вдруг стали ярче, теплее.

— Прости, Джунхёк, — тихо произнесла я, впервые назвав его так вслух без прямой просьбы. — Просто... это всё ещё кажется слишком смелым.

— Это не смелость, — он мягко приподнял мой подбородок, заставляя посмотреть ему в глаза. — Это доверие. И я хочу, чтобы между нами было именно оно.

Джунхёк поднялся и, вместо того чтобы отстраниться, наклонился и осторожно обнял меня. Его руки были крепкими, надёжными, а голос, прозвучавший у самого уха, — необычно мягким:

— Больше не исчезай так надолго, хорошо? Обещай.

Я прижалась к нему, чувствуя, как уходит напряжение последних дней.

— Обещаю, — выдохнула я. — Больше никаких трёхдневных снов.

Он чуть отстранился, чтобы посмотреть на меня, и на мгновение в его глазах мелькнуло что-то похожее на улыбку.

— Хорошо. А теперь расскажи мне всё, что сказал Юнхи. Дословно. Мне нужно знать, во что он собирается втянуть тебя... и как это остановить.

Я глубоко вздохнула, собираясь с мыслями, и начала пересказывать разговор с кумихо — каждое слово, каждый взгляд, каждый жест. Джунхёк слушал внимательно, не перебивая, но я видела, как напрягаются его плечи и как сужаются глаза при упоминании особо тревожных моментов.

Когда я закончила, он медленно кивнул, будто подтверждая какие-то свои мысли.

— Понятно, — произнёс он наконец. — Кумихо никогда ничего не делает просто так. Будь осторожна, Соа. Если он снова попытается с тобой заговорить — сразу сообщи мне. Обещаешь?

— Обещаю, — твёрдо ответила я.

Джунхёк слегка сжал моё плечо и встал.

— Теперь иди отдохни. И... — он помедлил, — постарайся сегодня не покидать восточное крыло без сопровождения.

— Хорошо, Джунхёк.

Я поднялась с кресла и направилась к двери, но у самого порога он окликнул меня:

— Соа.

Я обернулась.

— Спасибо, что осталась со мной и не отдала любовь в обмен на спасение, — тихо сказал он.

На мгновение я потеряла дар речи, а потом просто кивнула и вышла из кабинета, чувствуя, как в груди разливается тепло.

Я успела пройти всего несколько коридоров от кабинета Джунхёка, когда услышала шаги позади. Знакомые — слишком знакомые. Сердце ёкнуло: Доён.

Он не стал ждать, пока я обернусь. В один миг оказался рядом, схватил за локоть и буквально впихнул в ближайшую гостевую спальню. Дверь захлопнулась с глухим стуком, а он уже прижал меня спиной к холодному дереву и запер замок. Щёлчок прозвучал как приговор.

Я застыла, не в силах пошевелиться. Это был не тот Доён, которого я знала — импульсивный, порой резкий, но всегда обаятельный и внимательный. Сейчас он словно сошёл с ума. Его глаза горели странным красным огнём, зрачки расширились, а на виске пульсировала вена.

— Ты опять от него пришла, — голос был низкий, почти рычащий. — Я чувствую его запах на тебе. Кедр и этот проклятый холод, от которого у меня всегда мурашки.

Шок парализовал меня. Я хотела отпрянуть, сказать что-то, но не успела. Доён впился в мои губы так жёстко, что я почувствовала привкус крови. Поцелуй был не нежным — он чувствовался наказанием. Зубы прикусили нижнюю губу, язык ворвался грубо, требуя подчинения. Одна рука Доёна вцепилась в мои волосы, запрокидывая голову, вторая уже задрала подол платья и впилась пальцами в бедро с такой силой, что я невольно всхлипнула.

— Доён... больно...

— Больно? — он оторвался, тяжело дыша, и посмотрел мне прямо в глаза. Его зрачки расширились до предела, в них кипела смесь ярости, отчаяния и дикого голода. — А мне каково, когда я вижу, как ты на него смотришь? Как будто он единственный, кто может тебя спасти. Как будто я — просто красивая игрушка для развлечений.

Он резко развернул меня лицом к двери, прижал грудью к твёрдому дереву и прикусил кожу на шее — сильно, почти до синяка. Я вздрогнула, но тело предательски отозвалось жаром внизу живота.

— Ты думаешь, я не знаю? — прошептал Доён мне в ухо, голос дрожал от злости. — Думаешь, я такой дурак, что до сих пор верю в эту сказку про «любимого сына»?

Его рука грубо скользнула между моих ног, пальцы надавили через тонкую ткань трусиков, заставляя меня выгнуться и тихо застонать.

— Я знаю правду уже четыре года, Соа. Четыре. Года.

— О чём ты?.. — я не вырывалась, подобное казалось бессмысленным, но путанные фразы младшего Ли начинали пугать.

Доён резко развернул меня лицом к себе, прижал спиной к двери и обхватил лицо обеими ладонями так сильно, что стало почти больно.

— Моя мать была очередной контрактницей. Правда об этом я узнал лишь недавно, думая, что она являлась простой прислугой... Красивой, глупой девкой, которая решила, что сможет переиграть Мокёля. Отец... Джунхёк пользовался ей, но не он один. А когда мать забеременела от лакея, демон пришёл за ней в ту же ночь, как я родился. Прямо здесь, в этом доме. Он забрал её душу, пока она ещё кричала от боли.

В его глазах блестели не слёзы, а чистая, жгучая боль.

Я замерла, пытаясь осознать услышанное. Слова Доёна эхом отдавались в голове, но мозг отказывался их принимать.

— Что?.. — выдохнула я, чувствуя, как внутри всё сжимается. — Доён, ты... ты уверен? Может, это какая-то ошибка?

— Ошибки нет, — он горько усмехнулся. — Я сам нашёл записи. Старые архивы семьи Ли. Контракт, подписанный кровью. Условия: один год службы в обмен на защиту. Она думала, что сможет обмануть демона. Думала, что успеет сбежать, родить меня и скрыться. Но Мокель не прощает обмана.

— Но... Джунхёк... — я запнулась, пытаюсь собрать мысли. — Он же взял тебя под опеку. Он воспитывал тебя. Разве это не значит...

— Что он хороший человек? — Доён перебил меня с хриплым смехом, в котором не было веселья. — Нет, Соа. Он сделал это не из доброты. Он сделал это, чтобы потешить собственное самолюбие. Попытка отбелить грехи, помощью сиротке.

Я покачала головой, всё ещё не в силах поверить.

— Но он же относился к тебе как к сыну! Я видела, как он...

— Как он похлопывал меня по плечу? Как иногда называл «сыном» в присутствии гостей? — Доён скривился. — Это всё игра. Демонстрация. Видимость семьи. Наедине он никогда так меня не называл. Никогда не смотрел на меня так, как отец смотрит на ребёнка.

— Но ты же его наследник...

— Наследник? — Доён снова рассмеялся, на этот раз ещё горше. — Я — щит. Живой щит, который защищает его самолюбие. Пока я здесь, пока я ношу эту фамилию, демон не может меня тронуть. Но чего стоит эта жизнь?

Я молчала, пытаюсь осмыслить услышанное. Всё, что я знала о Доёне, о его отношениях с Джунхёком, вдруг перевернулось с ног на голову.

— Почему ты рассказываешь мне это сейчас? — тихо спросила я. — Почему именно сейчас, когда... когда ты делаешь всё это?

Доён на мгновение замер, словно сам не знал ответа. Его пальцы, всё ещё сжимавшие моё лицо, слегка ослабили хватку.

— Потому что ты должна знать правду, — произнёс он наконец. — Ты должна понять, почему я так реагирую. Почему не могу спокойно смотреть, как ты бежишь к нему, как смотришь на него этими глазами — полными восхищения и преданности. Ты видишь в нём спасителя, а во мне — что? Навязчивого сопляка?

— Нет, — я покачала головой. — Я никогда так не думала.

— Тогда почему? — его голос дрогнул. — Почему ты всегда выбираешь его? Почему готова идти за ним, слушать его, доверять ему, а когда я пытаюсь быть рядом, ты отстраняешься?

Я не знала, что ответить. В его словах таилась своя боль, но я не могла вот так просто отвернуться от Джунхёка.

— Я не выбираю, — сказала я тихо. — Просто... Джунхёк — он другой. Он сдержанный, холодный, но в то же время... в нём есть что-то надёжное. Что-то, что заставляет чувствовать себя в безопасности.

— А я? — Доён наклонился ближе, его дыхание обжигало кожу. — Разве я не могу дать тебе это? Разве я недостаточно хорош?

— Ты хорош, Доён, — я положила ладонь на его щеку. — Ты очень хорош. Но ты другой. Ты — буря, шторм. Рядом с тобой я чувствую себя живой, но иногда это слишком сильно. Слишком ярко.

Он закрыл глаза, словно пытаюсь справиться с эмоциями.

— И поэтому ты выбираешь его, — прошептал он. — Потому что он — тихая гавань, а я — ураган.

— Я не выбираю, — повторила я. — Просто так получается.

Доён вздохнул, и на мгновение в его взгляде мелькнуло что-то похожее на смирение.

— Возможно, ты права, — сказал он. — Возможно, я слишком бурный для тебя. Но я не могу перестать хотеть тебя. Не могу перестать ревновать. Не могу перестать чувствовать, что теряю тебя каждую минуту, которую ты проводишь в его кабинете.

Он снова наклонился, но на этот раз его поцелуй был другим — не жестоким, а отчаянным.

— Пожалуйста, — прошептал он, отрываясь от моих губ. — Хотя бы сейчас... будь со мной. Только со мной. Забудь о нём хотя бы на эти несколько минут.

Я закрыла глаза, пытаюсь разобраться в своих чувствах. В груди боролись противоречивые эмоции: вина перед Джунхёком, жалость к Доёну, страх перед тем, что происходит, и... желание. Да, желание, которое я не могла отрицать.

— Нет, мне нужно идти. Мы не можем...

Радужка Доёна вновь вспыхнула алым. Губы исказились в кривой гримасе.

Не дав мне договорить, он резко наклонился.

Я едва успела обхватить его шею, когда Доён подхватил меня на руки и понёс к кровати. Паника ударила в виски — я не хотела этого, не сейчас, не так.

— Отпусти! — выдохнула я, пытаюсь оттолкнуть его. — Доён, остановись, пожалуйста!

Но он лишь крепче прижал меня к себе, его дыхание обжигало шею. Я забилась в его руках, извиваясь, стараясь высвободиться, но его хватка была железной.

— Нет! — я замахнулась, целясь ладонью ему в лицо.

Доён едва заметно дёрнул головой, и удар пришёлся вскользь, лишь слегка задев скулу. На мгновение в его глазах мелькнуло что-то вроде удивления, но оно тут же сменилось ещё большей решимостью.

Он опустил меня на матрас и навис сверху, прижимая своим весом. Прежде чем я успела снова ударить или отползти, он схватил мои запястья и зафиксировал их высоко над головой одной рукой. Его пальцы сжались на моих руках с такой силой, что я почувствовала, как кровь отхлынула от ладоней.

— Не сопротивляйся, — хрипло произнёс он, глядя мне прямо в глаза. — Просто чувствуй.

Я дёрнулась, пытаюсь высвободить руки, но тщетно. Его хватка не ослабевала. Второй рукой он провёл вдоль моего бока, от плеча до бедра, и дрожь пробежала по всему телу — не от страха, а от чего-то другого, чего я не хотела признавать.

— Пусти! — повторила я, но голос дрогнул. — Ты не имеешь права...

— Имею, — отрезал он. — Имею, потому что иначе сойду с ума. Потому что каждый раз, когда ты смотришь на него, я чувствую, как сгораю заживо.

Его губы обрушились на мою шею — не нежно, а жадно, почти яростно. Зубы прикусывали кожу, оставляя следы, язык обводил контуры ключицы, спускался ниже, к груди. Я задыхалась, пытаюсь собрать остатки воли, но тело уже предавало меня: кожа горела там, где касались его губы, дыхание сбивалось, а внизу живота разгорался огонь.

Я снова дёрнула руками, пытаюсь вырваться, но он лишь усилил хватку.

— Доён... — выдохнула я, вцепившись пальцами в его ладонь, которой он держал мои запястья. — Остановись... пожалуйста...

Но он не слышал. Или не хотел слышать.

Доён отпустил одну руку лишь на мгновение — чтобы стянуть с себя рубашку и бросить её на пол. Затем снова прижался ко мне всем телом — горячим, напряжённым, дрожащим от злости и желания. Его свободная рука скользнула вдоль моего бедра, задирая подол платья, пальцы впились в кожу.

— Твой отец... Джунхёк... он... — мои слова вырывались со всхлипами.

— Я не его сын, — выдохнул Доён мне в губы, одновременно входя в меня одним сильным толчком.

Я вскрикнула, вцепившись ногтями в его плечо свободной рукой. Боль смешалась с неожиданным, острым наслаждением, заставляя выгнуться навстречу. Разум кричал: «Это неправильно! Остановись!», но тело уже подчинилось ритму его движений.

Он начал двигаться жёстко, глубоко, почти зло. Каждый толчок сопровождался словами, которые он выплевывал сквозь зубы:

— Ты думаешь, он сможет дать тебе это? — толчок, резкий, почти жестокий. — Думаешь, его холодные руки заставят тебя так кричать? — ещё глубже, ещё сильнее.

Я задыхалась. Ноги сами обвинили его талию, притягивая ближе, вопреки моей воле. Пальцы скользили по его спине, впивались в кожу, то отталкивая, то притягивая. Я боролась — с ним, с собой, с этим безумным желанием, которое накрывало с головой.

— Нет... — прошептала я, пытаюсь отвернуть голову. — Не надо...

Но Доён схватил меня за волосы, заставляя смотреть ему в глаза. Его взгляд был диким, почти безумным, но в глубине чего-то ещё — отчаяние, боль, мольба.

— Скажи, что хочешь меня, — прорычал он. — Скажи, что хотя бы сейчас — моя.

— Доён... — мой голос сорвался на стон, когда он изменил угол и попал в особенно чувствительную точку.

Противоречивые чувства разрывали меня на части. С одной стороны — страх, стыд, осознание, что я предаю что-то важное. С другой — жар, желание, потребность почувствовать себя живой, нужной, желанной.

Он ускорился, движения стали почти яростными. Пот стекал по его вискам, мышцы напрягались под моими ладонями. Я чувствовала, как внутри всё сжимается, как приближается тот самый край — неизбежный, пугающий и в то же время манящий.

— Громче, — потребовал Доён, прикусывая мою шею. — Чтобы он услышал, даже если сейчас спит в своём кабинете.

Я закрыла глаза, пытаясь отстраниться, но ощущения были слишком яркими: его кожа на моей, его дыхание на губах, его сила, его страсть — всё это поглощало, лишало воли. И в какой-то момент сопротивление сломалось.

Когда мир вокруг взорвался удовольствием, то я выкрикнула его имя — громко, почти всхлипывая. Звук вырвался из груди сам собой, разрывая последние барьеры. Доён последовал за мной через несколько толчков, впиваясь пальцами в мои бёдра так сильно, что останутся синяки.

Он рухнул рядом, тяжело дыша, и притянул меня к себе. Тишина, которая наступила после, была оглушительной.

Я лежала, прижавшись щекой к его груди, и слушала, как бьётся его сердце — быстро, неровно. Дыхание постепенно выравнивалось, но дрожь в теле не уходила.

«Что я наделала... — билась мысль. — Я боролась, пыталась остановиться, но всё равно поддалась. Почему? Почему моё тело так отреагировало на его жестокость, на эту ярость? Разве я такая?»

Ладони Доёна медленно скользили по моей спине, успокаивающе, почти нежно. Он больше не сжимал меня, не требовал ответов — просто держал, будто боялся, что я исчезну. И от этой внезапной перемены мне стало ещё страшнее.

«А что будет дальше? — думала я. — Что теперь между нами? И как я посмотрю в глаза Джунхёку после этого?»

Тишина давила, но я не решалась её нарушить. Всё смешалось: вина, страсть, страх и странное, пугающее чувство привязанности к человеку, который только что был так жесток со мной — и в то же время так отчаянно нуждался во мне.

«Я становлюсь тем, кого раньше презирала... Но почему тогда мне так хорошо и так больно одновременно?»

Мысли металась, но я пыталась собрать их воедино. Доён гладил меня по волосам, но я не могла расслабиться. Вдруг он резко вздрогнул, словно очнулся от наваждения. Его рука замерла на моей спине, дыхание участилось. Он приподнялся на локте и посмотрел на меня — и в его глазах больше не было красного огня. Только ужас и осознание.

— Соа... — прошептал он, голос дрожал. Доён осмотрел сбитые простыни. — О боже... Что я наделал?

Он отстранился, оглядывая разорванное платье, следы от пальцев на моих бёдрах, кровь на моих губах. Его лицо исказилось от боли и раскаяния.

— Прости, — выдохнул он, и в этом слове было столько отчаяния, что у меня защемило сердце. — Соа, я... я не знаю, что на меня нашло. Это было... неправильно. Ужасно неправильно.

Я приподнялась, села на кровати, подтянув колени к груди. Руки дрожали, когда я пыталась прикрыть разорванное платье. Внутри всё дрожало — не только тело, но и душа. Я пыталась собрать себя по кусочкам, но они рассыпались снова и снова.

— Доён, — тихо сказала я, — что с тобой произошло?..

Он провёл рукой по лицу, словно пытаясь стереть следы безумия.

— Это Мокель, — произнёс он глухо. — Его метка. Она... усиливает эмоции. Ревность, похоть, ярость — всё это становится в сотни раз сильнее. Я чувствовал, как она пульсирует, как жжёт, как толкает меня на... на это. — Он закатал рукав и с отвращением уставился на потухающую метку. — Я... я монстр, Соа...

Я смотрела на Доёна — на его сгорбленные плечи, на дрожащие пальцы, на лицо, искажённое болью и стыдом. Только недавно я боялась его. А потом отчаянно желала. Но сейчас... я не находила в себе ни злости, ни желания проклинать, ни даже страха. Только понимание: его использовали, на него влияли. Он никогда бы не причинил мне зла по собственной воле.

— Но ты не монстр, — я осторожно коснулась его руки. — Ты просто... человек, которого терзают демоны. Свои и чужие.

Во взгляде Доёна впервые за долгое время я увидела не ярость, не ревность, а благодарность. И что-то ещё — глубокую, почти детскую уязвимость.

— Спасибо, — прошептал он. — За то, что не отвернулась. За то, что понимаешь. Хоть сам я себя и не смогу простить.

Я вздохнула, пытаюсь привести мысли в порядок. В голове крутились вопросы: что будет дальше? Как нам теперь смотреть друг другу в глаза? Как забыть то, что произошло? Но ещё сильнее билась другая мысль: он страдал. Он был жертвой не меньше, чем я.

Доён поднялся и подошёл к шкафу. Достал оттуда шёлковый халат и протянул мне.

— Извини за платье. Я возьму.

— Не нужно, — я взяла халат, закуталась в него, пряча следы нашей близости. — Просто... дай мне время.

Я встала, чувствуя, как дрожат ноги. Каждый шаг давался с трудом — не из-за физической слабости, а из-за тяжести в груди. Я не знала, что сказать, как себя вести. Всё смешалось: обида, жалость, страх, странное тепло, которое всё ещё жило где-то внутри.

— Я пойду, — произнесла я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Мне нужно... подумать. Остыть. Понять, что теперь делать.

— Договорились, — Доён провёл рукой по волосам. Он хотел что-то добавить, я видела это по его глазам, по тому, как он сжал губы, будто подбирая слова. — Соа... то, что случилось между нами... это важно для меня. Я хочу взять ответственность и...

— Не надо! — я резко перебила его, и мой голос прозвучал слишком громко, почти испуганно.

Слова «взять ответственность» ударили по нервам. Что это значит? Обязательства? Долг? Или попытка исправить ошибку через ещё одну ошибку? Я не была готова к этому. Не сейчас. Не после всего.

Мне вдруг стало невыносимо находиться здесь, в этой комнате, пропитанной нашими эмоциями, в его присутствии, где каждый взгляд напоминал о том, что только что произошло. Я сделала шаг к двери, потом ещё один — быстрее, почти бегом.

— Малышка, я...

— Давай просто... забудем об этом, — бросила я через плечо, сама не веря в то, что говорю. — По крайней мере, пока.

Я выскользнула в коридор и прислонилась к стене, тяжело дыша. Сердце колотилось так сильно, что отдавалось в висках. Я закрыла глаза, пытаюсь унять дрожь.

«Забудем? Как? Как можно забыть то, что было? То, как он держал меня, как говорил, как... как я отвечала ему? И как теперь смотреть на него и не видеть того дикого огня в глазах? А если он снова потеряет контроль? А если метка снова возьмёт верх?»

А за спиной, в гостевой спальне, Доён стоял у окна, глядя, как я ухожу по коридору. Я не видела его, но чувствовала этот взгляд — там, где только недавно были его руки и губы. Он прожигал спину, заставлял кожу покалывать, а мысли путаться ещё сильнее.

Я сделала шаг вперёд, потом ещё один. Коридор казался бесконечным, а каждый поворот — новой попыткой убежать не от него, а от себя. От вопросов, на которые пока не было ответов. От чувств, которые я не могла ни принять, ни отвергнуть.

«Что теперь? — билась мысль. — Как нам быть дальше? И главное — кто мы друг для друга после всего этого? И Джунхёк... ему мне тоже предстоит смотреть в глаза».

Тишина дома давила, но я шла вперёд, надеясь, что расстояние и время помогут найти ответы. Или хотя бы дадут передышку, чтобы понять, что я чувствую на самом деле.

Глава 3

Я бежала по коридорам, кутаясь в шёлковый халат, моля небеса и преисподнюю о том, чтобы никто не увидел меня в таком виде. Волосы растрёпаны, губы распухли, на шее — следы от зубов Доёна, а в глазах — паника, которую не спрячешь за маской спокойствия. Каждый шорох заставлял вздрагивать, каждый отблеск в полированном дереве стен пугал до дрожи.

Наконец — моя дверь. Я влетела в комнату, захлопнула её за собой и прижалась спиной к дереву, тяжело дыша. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, вот-вот пробьёт грудную клетку. В ушах стоял гул — то ли от беготни, то ли от хаоса в голове, то ли от чьего-то чужого присутствия, которое я начала ощущать всё отчётливее.

— Никто не видел. Никто не знает. Слава богу...

Я опустила на пол, подтянула колени к груди и закрыла лицо руками. Мысли метались, как загнанные звери: наскакивали друг на друга, путались, рвали сознание на части.

«Нужно ли рассказать Джунхёку? Но что я скажу? Что Доён напал на меня? Но он же был не в себе — метка Мокёля... А если я расскажу, Джунхёк возненавидит его? Или ещё хуже — возненавидит меня за то, что я позволила этому случиться? Или решит, что я сама спровоцировала Доёна... Может, он подумает, что я играла ими обоими? Что я коварна, двулична, неблагодарна?»

Боль пронзила грудь. Я чувствовала себя предательницей, хотя ничего не обещала Джунхёку. Но между нами было что-то — не слова, не клятвы, а понимание, взгляд, намёк на возможность чего-то большего. И теперь я разрушила это.

«Он будет разочарован. Он посмотрит на меня так же, как тогда, когда я впервые ошиблась в ритуале, — с холодной печалью. И я не смогу вынести этого взгляда. Лучше пусть он возненавидит меня сразу, чем будет смотреть так...»

Я сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Боль отрезвляла, но не могла заглушить чувство вины. Оно разрасталось, заполняло каждую клетку тела, давило на грудь, мешало дышать.

Вдруг что-то изменилось.

В голове вспыхнуло чужое чувство — острая, ядовитая злоба. Она не была моей. Она была чужой, грубой, неестественной. Но она заполняла разум, вытесняя мои собственные мысли, подменяя их чужими, злыми, искажёнными.

«Расскажи ему. Иди сейчас. Прямо сейчас. Не жди. Не думай. Просто иди. Скажи всё. Пусть он узнает, какой жалкий его приёмный сын. Пусть увидит, как его обошёл тот, кого он считал лишь обузой. Насмехайся над ним. Скажи, что он слишком холоден, слишком далёк, чтобы удержать женщину. Что его благородство — просто маска. Что он проиграл. Что он слаб. Что он ничтожен. Что все его усилия — пыль на ветру. Что он не достоин ни любви, ни уважения, ни даже ненависти. Что он — пустое место».

Голос — или не голос, а ощущение — был тихим, но властным. Он проникал в сознание, как яд, и требовал подчинения. Он шептал, кричал, приказывал, нашептывал, пока не заполнил всё пространство внутри.

Я вскочила на ноги, сделала шаг к двери. Рука уже потянулась к ручке...

Но что-то во мне сопротивлялось.

— Нет. Это не я. Это не мои мысли. Я не такая. Я не стану этого делать. Я не позволю...

Я вцепилась в дверную ручку так, что костяшки побелели. Кровь закипела в висках, перед глазами замелькали тёмные пятна. Из носа потекла тёплая струйка — тонкая, липкая, красная. Капли падали на халат, растекались тёмными кляксами.

«Доён... — мелькнула мысль. — Так вот что ты чувствовал. Вот что делает с тобой метка. Она не просто усиливает эмоции — она подменяет их, заставляет делать то, чего ты не

хочешь. Она заставляет тебя стать монстром. Она заставляет тебя причинять боль тем, кого ты любишь...»

Я отшатнулась от двери, прижалась к стене. Кровь капала на пол, оставляя маленькие тёмные точки. Я вытерла нос тыльной стороной ладони, но кровотечение не останавливалось. Дыхание сбилось, в груди что-то трещало, рвалось наружу.

«Мокель... Это его работа. Он наслаждается нашими страданиями. Он хочет, чтобы мы уничтожили друг друга. Чтобы Джунхёк возненавидел Доёна. Чтобы я предала того, кто и так уже сломлен. Чтобы мы все пали — своими руками. Он хочет видеть, как мы падаем, как теряем себя, как стираем друг друга из своих сердец. Он хочет, чтобы мы стали такими же, как он — пустыми, злыми, жестокими».

Злые эмоции всё ещё бушевали внутри, толкали вперёд, требовали действий. Они кричали, шипели, нашептывали, обещали власть, освобождение, месть. Они обещали, что если я послушаюсь, боль уйдёт, вина исчезнет, а вместо них придёт лёгкость, торжество, победа.

Но теперь я знала их природу. И это знание дало мне силу сопротивляться.

Я опустила на колени, закрыла глаза и сосредоточилась на своём дыхании. Глубокий вдох. Выдох. Ещё раз.

«Это не я. Это не мои чувства. Я не буду их слушать. Я не дам им победить. Я сильнее».

Постепенно чужая злоба начала отступать, как отлив. Кровь из носа замедлилась, а потом и вовсе остановилась. Я достала платок, вытерла лицо и поднялась.

В зеркале напротив отразилась бледная девушка с растрёпанными волосами и тёмными кругами под глазами. Но взгляд... Взгляд был твёрдым.

«Я не дам ему победить. Не позволю Мокёлю разрушить нас. Мы найдём способ снять метку с Доёна. Мы поговорим с Джунхёком — но не так, не под влиянием демона. Мы сделаем это осознанно, вместе. Мы будем бороться. Мы будем держаться друг за друга. Мы не позволим тьме поглотить нас».

Я подошла к окну и распахнула створки. Ночной воздух, прохладный и свежий, коснулся моего лица. Я глубоко вдохнула, чувствуя, как последние остатки чужого влияния растворяются в тишине.

«Мы справимся, — подумала я. — Вместе. Доён, Джунхёк... и я. Мы сильнее, чем думает Мокель».

За спиной осталась комната, пропитанная страхом и болью. Впереди — ночь, полная неопределённости. Но впервые за долгое время я знала точно: я не одна. И мы найдём способ победить.

И тут всё изменилось снова.

Чужой голос вернулся — на этот раз громче, яростнее, безжалостнее. Он не шептал — он кричал, рвал сознание на куски, вбивал в голову одну-единственную мысль:

«Прыгай. Прыгай сейчас. Покажи им всем. Покажи, что ты не боишься. Покажи, что ты свободна. Покажи, что их правила, их мораль, их любовь — ничто перед твоей волей. Прыгай — и ты станешь выше всего этого. Прыгай — и боль уйдёт. Прыгай — и ты победишь».

Голова раскалывалась. В глазах потемнело. Кровь снова потекла из носа, тёплая и липкая. Я почувствовала, как ноги сами двинулись вперёд.

Я встала на подоконник. Ветер подхватил волосы, швырнул их в лицо. Внизу — пропасть, тьма, неизвестность.

— Нет! — кричала часть меня. — Остановись! Это не ты! Это он! Мокель! Он заставляет тебя!

Но другая часть, отравленная, искажённая, торжествующе смеялась:

— Прыгай! Прыгай! Покажи им! Покажи!

Я закрыла глаза. Сердце билось где-то в горле. Руки дрожали. Мысли путались, сталкивались, взрывались внутри, как фейерверки.

«Что я делаю?! Это безумие! Я не хочу умирать! Я хочу жить! Я хочу помочь Доёну! Я хочу поговорить с Джунхёком! Я хочу разобраться во всём, понять, найти выход!»

Но голос был сильнее. Он заполнил всё. Он стирал меня, заменял собой.

— Прыгай!

Я сделала глубокий вдох. Ветер рванул халат, пытаюсь унести меня прочь.

А потом...

...я шагнула вперёд.

Ветер ударил в лицо, рванул волосы, зашумел в ушах оглушительным рёвом. Земля стремительно приближалась, превращаясь из тёмной расплывчатой массы в чёткие очертания деревьев, камней, мостовой. В груди что-то оборвалось — не от страха падения, а от осознания: я только что сама выбрала смерть.

«Что я наделала?!» — мысль вспыхнула яркой молнией, разрывая пелену чужого внушения.

Паника накрыла с головой. Я инстинктивно вскинула руки, будто это могло остановить падение. В глазах потемнело, дыхание перехватило. Всё произошло слишком быстро — я не успела ни испугаться по-настоящему, ни попрощаться, ни осознать до конца, что это конец.

Но конца не было.

В последний момент, когда до земли оставалось не больше нескольких метров, меня резко подхватили чьи-то сильные руки. Резкий рывок вверх — и падение сменилось плавным парением. Я вскрикнула, распахнула глаза и увидела перед собой лицо Юнхи.

Он смеялся.

Его глаза сверкали в темноте, острые клыки блеснули в улыбке. Волосы развевались на ветру, а девять пушистых хвостов колыхались за спиной, словно живые. Он держал меня легко, почти небрежно — одной рукой под спину, другой под колени — и медленно опускался к земле, мягко отталкиваясь от воздуха, будто тот был твёрдой поверхностью.

— Ну надо же, — протянул он, покачивая головой. — Я уж думал, ты решительнее. А ты в последний момент испугалась? Или просто передумала?

Его голос звучал весело, почти игриво, но в нём сквозила какая-то древняя, почти звериная хитрость.

— Ты... — я задыхалась, губы тряслись, слёзы катились по щекам. — Ты...

— Я, — он подмигнул. — Кто же ещё? Не мог же я позволить такой красотке разбиться в лепёшку прямо у меня на глазах. Было бы слишком скучно.

Он плавно опустился на землю, поставил меня на ноги, но не отпустил — слегка придерживал за плечи, будто боялся, что я рухну.

— Да ты вся дрожишь, — хмыкнул он, наклоняясь ближе. Его дыхание пахло чем-то пряным, лесным. — Ну-ну, не плачь. Я же спас тебя. Разве не за это люди обычно благодарят?

Я не могла остановиться. Зубы стучали, слёзы лились ручьём, тело била крупная дрожь. Я обхватила себя руками, пытаюсь унять эту внутреннюю бурю.

— Что... что со мной было? — выдавила я, с трудом выговаривая слова. — Я не хотела... я не...

— О, всё ты хотела, — он усмехнулся, отступая на шаг и скрещивая руки на груди. — По крайней мере, пару секунд назад. Но знаешь, что забавно? — Он наклонил голову, изучая меня взглядом. — Ты остановилась. В самый последний момент. Где-то глубоко внутри ты всё ещё сопротивлялась. И это... очаровательно.

Я вытерла слёзы рукавом, пытаюсь прийти в себя. Голова кружилась, но главное — голос в ней больше не звучал. Чужая злоба, приказы, навязчивые мысли — всё исчезло. Осталась только пустота, усталость и облегчение.

— Спасибо, — выдохнула я, глядя ему в глаза. — Спасибо, что спас.

Юнхи рассмеялся — звонко, искренне, без тени насмешки.

— О, не стоит благодарности. Я просто оказался рядом. И, признаться, немного заскучал. А тут такое развлечение! — Он подмигнул. — Но впредь, пожалуйста, не прыгай из окон без предупреждения. А то я могу и не успеть.

Я слабо улыбнулась сквозь слёзы.

— Обещаю.

В этот момент в голове промелькнула мысль: «Он что, пытается флиртовать?»

Юнхи вдруг замер, а затем разразился громким, раскатистым смехом. Он запрокинул голову, его хвосты замелькали в воздухе, выписывая причудливые дуги.

— Ха-ха-ха! — его смех эхом разнёсся по двору. — Флиртовать? Со мной? О, милая человечка, ты льстишь себе. Я не интересуюсь столь слабыми созданиями. Можешь считать меня безопасным и почти бесполом, выдумщица.

Его слова ударили, как пощёчина. Я покраснела до корней волос, опустила глаза, чувствуя себя невероятно глупо. Руки задрожали ещё сильнее, а слёзы, которые уже начали было подсыхать, снова навернулись на глаза.

— Прости, я... я не это имела в виду, — забормотала я, запинаясь и глядя куда угодно, только не на него. — Просто ты говорил так...

— Так, будто я очарован твоей красотой? — он изогнул бровь, и в его глазах снова заплясали озорные искорки. — Очаровательна ты, да. Но не в том смысле, в каком ты подумала. Ты — забавная игрушка судьбы, Соа. Забавная и сильная. Это куда интереснее, чем просто хорошенькое личико.

Я закусила губу, пытаюсь скрыть смущение. Пальцы нервно теребили край халата, а дыхание всё ещё срывалось.

— Понятно, — тихо сказала я, чувствуя, как жар приливает к щекам.

— Не обижайся, — неожиданно мягко произнёс Юнхи. — Просто я слишком стар, чтобы играть в эти человеческие игры. Моё сердце давно окаменело, а душа превратилась в пепел. Но я ценю искренность. И твою силу воли — тоже.

Он сделал паузу, склонил голову чуть набок и вдруг подмигнул:

— К тому же, признаюсь, наблюдать за тобой было... увлекательно. Ты так отчаянно боролась сама с собой! Это напомнило мне кое-что из давних времён.

Я подняла взгляд — всего на мгновение — и увидела, что его улыбка больше не насмешлива. В ней появилось что-то почти тёплое, почти человеческое. Но лишь на миг.

— Ладно, человечка, — он отступил на шаг, слегка поклонился. — Пора мне двигаться дальше. Но помни: жизнь — штука непредсказуемая. И если вдруг снова соберёшься совершить какую-нибудь глупость... дай мне знать заранее. Хочу занять хорошее место для просмотра!

Он рассмеялся, и этот смех, лёгкий и беззаботный, будто стёр остатки моего страха.

С этими словами он сделал шаг назад — и растворился в тени деревьев, оставив после себя лишь лёгкий аромат хвои и едва уловимое мерцание, будто отблеск далёких звёзд.

Я осталась стоять на земле, дрожащая, заплаканная, но живая. Ветер утих, ночь казалась теперь не такой тёмной. Я глубоко вдохнула, вытерла последние слёзы и повернулась к дому.

Путь до крыльца показался бесконечным. Каждый шаг давался с трудом — ноги подкашивались, руки всё ещё дрожали, а в голове гулко отдавалось эхо пережитого ужаса. Но я шла, стиснув зубы, заставляя себя переставлять ноги одну за другой.

У самой двери меня ждала Миён.

Она стояла, прислонившись к колонне, и перебирала в руках какой-то цветок. При виде меня её глаза расширились, брови взлетели вверх, а губы приоткрылись в немом изумлении.

— Юн Соа?! — выдохнула она, роняя цветок. — Что с тобой? Ты плакала? Что случилось?

Я попыталась улыбнуться, но губы не слушались.

— Ничего страшного, Миён, — голос звучал хрипло, надломленно. — Просто... плохой сон. Кошмар.

Миён недоверчиво покачала головой, шагнула ближе, всматриваясь в моё лицо.

— Но ты вся дрожишь... И глаза такие красные... Может, позвать господина Джунхёка? Или хотя бы принести вам чаю?

— Нет! — я слишком резко подняла руку, останавливая её. — Прошу тебя, Миён, не надо никого беспокоить. Особенно господ Ли. Просто... просто помоги мне вернуться в комнату. И всё.

Её взгляд смягчился. Она молча кивнула, подошла ближе и осторожно взяла меня под локоть.

— Конечно, Соа. Идём.

Мы молча поднялись по лестнице, прошли по коридору. Миён открыла передо мной дверь, пропустила внутрь, затем нерешительно замерла на пороге.

— Ты точно в порядке? — спросила она. — Если что-то нужно...

— Спасибо, Миён, — я заставила себя улыбнуться чуть более убедительно. — Всё хорошо. Просто... очень устала.

Она кивнула и, ещё раз окинув меня обеспокоенным взглядом, тихо закрыла за собой дверь.

Я осталась одна.

Опустилась на край кровати, обхватила себя руками. В комнате было тихо, спокойно, но тишина больше не пугала — она обволакивала, убаюкивала. Я сняла халат, аккуратно сложила его на стуле, потом медленно легла, подтянув колени к груди.

И тут воспоминания нахлынули волной.

Сеул. Серый, дождливый, бесконечный. Узкие улочки, затёртые тротуары, запах выхлопных газов и дешёвой еды из ларьков. Моя комната — крошечная, с окном, выходящим на стену соседнего дома. Работа уборщицы в офисном здании: бесконечные коридоры, одинаковые кабинеты, запах чистящих средств, усталые лица коллег, которые даже не замечали меня.

Там всё было серым и беспросветным. Но там я была в безопасности. Там не было меток, демонов, чужих голосов в голове. Там я просто жила — тихо, незаметно, без надежд, но и без страха.

А потом — машина. Резкий визг тормозов. Слепляющий свет фар. Удар. Боль. Тьма.

И пробуждение здесь — в этом огромном особняке, в чужом теле, в чужой жизни. Тогда я этого даже не заметила. Слишком стремительным оказался переход, но...

Внезапно в сознании всплыло знание — чёткое, холодное, вложенное кем-то извне:

«Тебе некуда возвращаться. Та машина, что затормозила в день перехода в этот особняк, задавила тебя. Ты, настоящая ты, осталась лежать в луже крови на асфальте Сеула. А здесь... здесь лишь жалкая душонка в чужой оболочке. Тебе некуда бежать».

Мир разлетелся осколками старого зеркала.

В груди что-то оборвалось — не от боли, а от абсолютного, всепоглощающего шока. Дыхание перехватило, ладони вспотели, а сердце ударилось об горло.

«Это... не может быть правдой», — мысленно прошептала я, но знала: это правда. Чистая, беспощадная, неоспоримая.

Меня накрыла волна эмоций — одна за другой, как прибой.

Сначала — неверие: «Нет, это ошибка. Это какой-то бред. Я просто устала, перенесла потрясение, и теперь мне мерещится...»

Потом — ужас, ледяной, парализующий: «Я мертва. Я действительно мертва. То, что я помню... это не сон. Это моя последняя секунда в том мире».

Затем пришла злость — острая, жгучая: «Почему мне не дали выбора? Почему не показали правду сразу? Почему заставили жить чужой жизнью, словно я — всего лишь кукла?»

А следом — горе. Настоящее, глубокое, разрывающее душу. Я потеряла всё: дом, работу, друзей, даже собственное тело. Я больше не была той девушкой из Сеула. Я стала кем-то другим — тенью, отражением, осколком.

Слёзы хлынули снова — горячие, горькие, неудержимые. Я уткнулась лицом в подушку, сжимая пальцами край одеяла, и заплакала в голос. Не тихо, не сдержанно — а громко, отчаянно, выпуская наружу всё, что копилось внутри.

Но постепенно рыдания стихли. Слёзы высохли. Осталась только смертельная усталость — такая глубокая, что она поглотила всё: мысли, эмоции, воспоминания.

Больше не было сил бояться. Не было сил думать. Не было сил даже плакать.

Я перевернулась на бок, подтянула одеяло к подбородку и закрыла глаза.

Сон пришёл мгновенно — глубокий, беспробудный, без сновидений. Просто тьма, в которой не было ни прошлого, ни будущего, ни страха, ни боли. Только покой.

Глава 4

Проснулась я от какого-то внутреннего толчка — словно кто-то дёрнул за невидимую нить внутри груди.

Несколько секунд я просто лежала, разглядывая трещины на потолке. В комнате было сумрачно: шторы плотно задернуты, только тонкая полоска света пробивалась вдоль плинтуса, рисуя на ковре бледную линию.

Из коридора доносились звуки — не привычные шорохи дома, а какая-то деловитая суета: быстрые шаги, приглушённые голоса, скрип половиц под тяжёлой ношей. Будто весь особняк вдруг ожил по какому-то неизвестному мне расписанию.

Я села, провела ладонями по лицу. Голова ощущалась тяжёлой, но не от боли — от ощущения, что я не спала, а проваливалась куда-то глубоко, в вязкую, тягучую тьму без образов и звуков.

Поднявшись, я приоткрыла дверь. В коридоре кипела жизнь: слуги сновали туда-сюда, таскали чемоданы, кейсы, какие-то коробки с аккуратно наклеенными бирками. Одна из горничных, не заметив меня, чуть не врезалась в дверной косяк, испуганно охнула, поклонилась и поспешила дальше, прижимая к груди стопку сложенных полотенец.

«Что тут творится?» — мысль вспыхнула резко, как искра.

Быстро застегнув пуговицы на платье и пригладив волосы, я спустилась вниз. Ступени лестницы поскрипывали под ногами, а с первого этажа доносились обрывки фраз:

— ...Машины уже у ворот, три штуки...

— ...В полдень выезжаем, не опаздывать...

— ...Документы в чёрном кейсе — на особом контроле, понял?

— ...И проверь запасные ключи от офиса в Сеуле, мало ли...

— ...А багаж господина Ли уже в первой машине, всё проверено...

Пытаясь лавировать между слугами, я направилась вглубь дома.

Гостиная встретила теплом камина и приглушённым разговором. У окна, к моему облегчению, обнаружили оба господина Ли.

Джунхёк выглядел взвинченным. Осанка, обычно безупречная, чуть ссутулилась, пальцы нервно выстукивали дробь по спинке кресла. Доён стоял напротив, опустив голову, — в его позе сквозила какая-то затаённая вина, словно именно он был виноват во всём происходящем.

При виде их я остановилась в дверях, не решаясь подойти ближе. Взгляд тут же метнулся к Доёну — к его бледному лицу, к едва заметному дрожанию рук, сцепленных за спиной. Потом — к Джунхёку, чей профиль казался высеченным из камня: резкие скулы, жёсткая линия рта, взгляд, устремлённый куда-то вдаль.

Мне было невыносимо смотреть им в глаза. Вспоминать ночь, страх, падение... и то, что чуть не произошло. И что всё же произошло до этого...

«Доён всё рассказал?» — пронеслось в голове. Я взгляделась в лицо Джунхёка, ища хоть намёк на осуждение или гнев. Но его взгляд оставался сосредоточен, озабочен чем-то другим. Значит, Доён молчал... От этой мысли стало чуть легче — камень с души не свалился, но откатился в сторону, давая некую передышку.

Но они заметили меня.

— Соа, — Джунхёк обернулся первым, — ты как раз вовремя.

Сцепив пальцы перед собой, я приблизилась.

— Что происходит? — я огляделась. — Почему такая суета? Слуги собирают вещи...

Джунхёк вздохнул, провёл рукой по волосам — жест, который выдавал его напряжение сильнее любых слов.

— Мне придётся уехать на два дня, — произнёс он. — Партнёры решили нарушить крупный контракт. Почувствовали слабость и ударили по самому уязвимому месту. Это не связано с... другими делами, — он бросил короткий взгляд на Доёна, — но положение компании Ли под ударом. Я должен лично во всём разобраться, успокоить рабочих, провести переговоры.

— Но разве это настолько критично? — я вся подалась вперёд, словно неосознанно желая остановить, задержать его. — Может, отправить кого-то из помощников? Зачем лично?

— Потому что это не просто бизнес, — Джунхёк резко развернулся. Тон вдруг стал холоднее. — Это репутация. Десятилетия работы, связи, доверие. Один неверный шаг — и всё рухнет. А сейчас, когда Мокель... — он оборвал себя на полуслове, сжал губы. — В общем, я должен быть там.

— Но вы же не можете покинуть особняк? — я понизила голос, бросив взгляд на Доёна. Тот по-прежнему стоял, опустив глаза, стараясь стать невидимкой. — Разве это не межмирный карман?

— Могу, — в голосе Джунхёка послышалась горечь. — Но только когда это угрожает благосостоянию и власти рода Ли. Мой дед, заключая контракт с Мокелем, пожелал именно этого — богатства, влияния, стабильности. В критических ситуациях я могу выйти за пределы. И это именно такой случай.

Доён поднял голову. Его глаза, тёмные и глубокие, встретились с моими. В воздухе повисло что-то невысказанное — вина, страх, попытка найти слова, которые всё исправят.

— Ты остаёшься за главного, — обратился к сыну Джунхёк. — Присматривай за особняком. И... за Соа. Я вернусь как можно скорее.

— Да, отец, — тут же отозвался Доён.

Старший Ли двинулся к выходу, но на полпути остановился и обернулся.

— Соа, — тон смягчился, — обещаю, что будешь беречь себя.

Я подняла на него глаза, удивлённая такой интонацией.

— Конечно, — внутри что-то дрогнуло. — Я буду осторожна.

— И если что-то случится... — он сделал паузу, подбирая слова, — не пытайся справиться сама. Положись на Доёна. Поняла?

— Да, — я кивнула, ощущая, как теплеют щёки. — Я поняла.

— Хорошо. Тогда я спокоен.

— Отец, — голос Доёна дрогнул. — Может быть, я поеду с тобой? Буду полезен...

— Нет, — отрезал Джунхёк, не оборачиваясь. — Ты нужен здесь. С Соа.

— Я справлюсь, — уступил Доён, глядя ему в спину. — Обещаю.

Джунхёк задумался, затем направился к двери. У самого выхода он снова обернулся — на этот раз только ко мне.

— Береги себя, Соа. Я вернусь через два дня. Максимум — два с половиной.

— Жду вашего возвращения, — тихо ответила я.

Он коротко кивнул и вышел.

Мы остались вдвоём — я и Доён — наедине с давящей тишиной и новым напряжением.

— Он не должен был уезжать, — прошептал Доён, опускаясь в кресло. — Не сейчас. Не тогда, когда метка Мокеля так сильна... когда мы с тобой... когда мы все на краю.

— Вчера случилось ещё кое-что... — начала я.

Наверное, стоило рассказать при Джунхёке, но время было упущено, а оставить в неведении ещё и младшего Ли я решила слишком опасным.

Уловив изменения в моём голосе, Доён насторожился:

— О чём ты, птичка?

Набрав в лёгкие побольше воздуха, я выпалила:

— Я хотела рассказать Джунхёку... обо всём. О нас с тобой.

Доён побледнел.

— Что? — выдохнул он. — Ты решилась на это?

— Это было под влиянием Мокёля, — я обхватила себя руками, будто пытаюсь согреться. — Я стояла у двери своей комнаты, рука уже лежала на ручке... Я собиралась выйти, пойти к нему в кабинет. И в тот момент мне казалось, что это единственно верное решение. Что если я всё открою, это как-то всё исправит, разорвёт этот клубок лжи.

— Мокель играет с нашими мыслями, — Доён быстро преодолел разделяющие нас метры и приобнял меня за плечи. — Он искажает восприятие, заставляет видеть то, чего нет.

— Да, — я кивнула. — Но потом... потом всё изменилось. Я вдруг почувствовала, что должна сделать что-то ещё. Что-то радикальное. Я отошла от двери и направилась к окну.

Доён резко втянул воздух. Его лицо исказилось от ужаса.

— Соа...

— Я подошла к окну, — продолжила я. — Распахнула створку. Ветер ударил в лицо, а внизу... внизу была пропасть. Я встала на подоконник и... В тот момент это казалось таким логичным. Будто если я исчезну, всё станет проще. Для всех. Для тебя, для Джунхёка, для всего этого дома.

— Кто тебя остановил? — Доён осматривал меня так, словно пытался найти повреждения.

— Никто, — я опустила глаза, чувствуя, как к горлу подступает ком. — Я упала. Просто отпустила руки и полетела вниз.

Доён отшатнулся, будто я ударила его. Зрачки вспыхнули красным, но он тут же резко выдохнул, беря чувства под контроль.

— Нет... Этого не может быть. Ты здесь. Ты жива.

— Да, — я закусила губу, вспоминая себя в тот момент. — Но не потому, что я передумала или остановилась. Я упала. И уже видела, как земля стремительно приближается... А потом — чьи-то руки подхватили меня буквально в метре от земли. А хвосты смягчили наше приземление...

— Кумихо, — выдохнул Доён. — Он загостился... — Страх в голосе сменился недовольством. Видимо, демон не нравился Доёну едва ли не меньше Мокёля.

— Юнхи, — уточнила я. — Он появился из ниоткуда и держал меня на руках, словно я ничего не весила.

Доён закрыл лицо руками. Его плечи задрожали.

— Я мог потерять тебя, — произнёс он глухо. — Навсегда. Из-за меня, из-за этой метки, из-за всего этого проклятого влияния...

— Ты не виноват, — я осторожно накрыла его руку своей. — Это всё Мокель. Он манипулировал мной, играл с сознанием.

— Виноват, — упрямо возразил Доён. — Потому что не смог защитить. Потому что сам стал частью этой опасности для тебя. Я должен был предвидеть, что Мокель начнёт давить именно так. Должен был предупредить тебя, объяснить, как сопротивляться. Но я был слишком занят своими чувствами, своими страхами...

— Ты не можешь отвечать за всё, — я слегка сжала его руку. — Мы оба оказались не готовы к тому, насколько сильно Мокель может влиять.

— Но я знал больше, — настаивал Доён. — Я чувствовал это раньше, понимал, как оно работает. А ты... ты только вошла в этот мир и сразу столкнулась с самым худшим его проявлением. Знаешь, — он грустно усмехнулся, — а ведь до того, как отец раскрыл все тайны, я даже думал, что свободен... Учился, путешествовал... А после того, как год назад вернулся в особняк, даже не задумывался, почему ни разу не переступил его территорию...

— Ты провёл детство вне дома? — спросила я.

Таких подробностей я ещё не знала. Хотя... Я не знала о господах Ли практически ничего.

— Да, за границей, — Доён неуверенно пожал плечами. — Наверное... Наверное, подобное образование входило в контракт с Мокёлем: «Власть, достаток, способность вести бизнес...» Всё — на благо рода Ли...

— Звучит логично... — тихо ответила я.

Воспользовавшись тем, что Доён перестал сдерживать меня в мягких объятиях, я подошла к окну. За стеклом у ворот выстраивались чёрные машины — строгие, массивные, готовые к долгой дороге. Шофёр в форменной фуражке проверял документы, охранники расставлялись по периметру.

— Думаешь, Джунхёк прав? — спросила я, не оборачиваясь. — Что должен ехать сам?

— Должен, — Доён встал рядом. — В таких делах личное присутствие критично. Но... — он запнулся, — мне не по себе от того, что отец оставляет нас здесь одних. Теперь... Теперь я боюсь самого себя и того, что ещё могу натворить...

— Ты не рассказал ему, — я повернулась, внимательно вглядываясь в красивое лицо наследника. — Про то, что случилось.

Доён покачал головой:

— Не успел. Да и... не знал, стоит ли. Подобное подставило бы в первую очередь тебя, малышка, а я... Я хочу, чтобы ты выбрала меня сердцем, а не из-за того, что отец просто возненавидит нас обоих.

— Хорошо, — я выдохнула с облегчением. — Я не знаю, правильно ли это всё, но... Спасибо тебе.

Я снова посмотрела в окно. Машины уже тронулись с места, медленно выезжая за ворота. Джунхёк сидел на заднем сиденье, глядя прямо перед собой. Его профиль выделялся на фоне тонированного стекла.

«Он оставляет нас одних. Нас, кто едва держится на краю», — прошелестело в голове.

Доён молчал. И я тоже долго не могла думать ни о чём, кроме отъезда Джунхёка...

Машины скрылись за поворотом, увозя Джунхёка прочь. Я ещё несколько мгновений смотрела вслед, пока последний чёрный силуэт не растворился в загадочной дымке. Тишина, опустившаяся на особняк, казалась непривычной, почти злоеющей — весь дом затаил дыхание в ожидании чего-то. В ушах всё ещё звучал голос Джунхёка, его последние слова: «Будь осторожна, Соа». Вместе со старшим Ли особняк покинула и часть моего сердца...

— Пойдём, — позвал Доён, стоя у меня за спиной. — В кабинете прадеда может быть что-то про Камень Равновесия. Отец отнёс туда и его дневник. Удивительно, как долго та пыльная комната стояла закрытой на ключ!

Я кивнула, не оборачиваясь. Вдруг стало неловко — и оттого, что теперь мы с Доёном остались одни. В голове крутились мысли: что будет дальше? Как мы справимся без Джунхёка? И главное — смогу ли я доверять Доёну после... всего случившегося? Воспоминания нахлынули волной: его взгляд, прикосновения, а после — ощущение, словно кто-то чужой управляет моими мыслями...

Мы молча поднялись по лестнице, прошли по длинному коридору с портретами. Казалось, они осуждают нас за что-то, хотя я не могла понять, за что. Взгляд невольно задержался на одном из портретов — молодой мужчина с пронзительными глазами, в которых читалась какая-то скрытая печаль. «Может, и он когда-то стоял перед выбором?» — мелькнуло в голове.

Доён открыл дверь в кабинет — комнату, пропитанную запахом старых книг, чернил и дерева. Здесь всё было так, будто прадед Ли Хван вышел всего на минуту: на столе — раскрытая книга с закладками, чернильница с засохшим пером, стопка пожелтевших бумаг. На стене — карта мира с отметками, непонятными для непосвящённых.

Доён подошёл к книжным полкам, провёл пальцами по корешкам.

— Дневник прадеда на столе, — пробормотал он. — Я уверен, там есть упоминания о Камне Равновесия далеко не в одной из записей...

Я начала перебирать страницы. Пальцы скользили по шершавой бумаге, глаза вчитывались в строки, написанные аккуратным почерком Ли Хвана. Каждая буква, каждый завиток казались мне значимыми — прадед семьи Ли оставил нам послание, которое нужно расшифровать.

— Вот, — я указала на одну из страниц. — «Камень Равновесия — не просто артефакт. Он — ключ. Но ключ, спрятанный там, где никто не станет искать».

— «Там, где никто не станет искать», — повторил Доён, подходя ближе. Он встал рядом, и я невольно ощутила тепло его тела. — Это может быть где угодно. В подвале? В саду? В самом особняке? Отец приказал перевернуть весь особняк вверх дном ещё до полнолуния!

— Или за пределами дома, — добавила я. — Может, твой прадед спрятал его в Сеуле? Или ещё дальше?

— Вряд ли, — Доён покачал головой. — Он бы не стал выносить Камень за пределы влияния рода. Скорее всего, он где-то здесь. Но где?

— Может, в месте, которое имеет особое значение для семьи? — предположила я. — Например, в подвале — в бывшей часовне — твой прадед впервые столкнулся с Мокёлем?

— Возможно, — Доён задумчиво провёл рукой по подбородку. — Но и там мы всё прочесали? Может, стоит поискать в родовом склепе? В комнате, где прадед родился? В кабинете, где провёл последние годы?

Я пожала плечами, понимая, что задача сложнее, чем казалось на первый взгляд, и углубилась в чтение следующих страниц. Доён перебирал книги, я просматривала записи. Время шло, но никаких чётких подсказок не находилось — только намёки, полуслова, загадочные фразы, которые могли означать что угодно.

— «Когда равновесие нарушено, камень сам найдёт путь», — прочитала я вслух. — Что это значит?

— Может, он реагирует на угрозу? — предположил Доён, наклоняясь над столом. Его рука легла рядом с моей, почти касаясь. — Или на тех, кто связан с Мокёлем?

Наши ладони случайно соприкоснулись. Я вздрогнула и поспешно отдернула руку, будто обожглась.

Доён замер. Во взгляде мелькнула боль, острая и глубокая.

— Ты боишься меня, — сквозь зубы произнёс он.

Я открыла рот, чтобы возразить, но тут же закрыла. Он был прав. Воспоминания о том, что мы натворили, яркой кляксой висели перед внутренним взором, натягивая на себя вину и стыд, как старое одеяло.

— Прости, — с заминкой отозвалась я. — Я... просто всё ещё слишком свежо.

— Я понимаю, — Доён специально отступил на шаг, но взгляд не отвёл. — И я виноват. Больше такого не повторится. Клянусь. — Он сделал паузу, глубоко вдохнул, будто собираясь с силами. — Соа, я люблю тебя. Искренне. Не из-за влияния Мокёля, не из-за какой-то силы — просто люблю. И сделаю всё, чтобы ты мне поверила.

Признание повисло в воздухе. Я вздрогнула, пытаюсь понять, не послышалось ли? Впервые Доён сказал о своих чувствах так прямо, без намёков, без полутонов. Искренне. И мне хотелось ему верить. Но я уже знала, как сильно Мокель может исказить мысли и чувства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.